

ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКИ

© Гуренко, Е.Г., 2022

УДК 7.01

DOI: 10.24412/2308-1031-2022-1-107-119

О СУЩНОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО

Е.Г. Гуренко¹

¹ Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки, Новосибирск, 630099, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу эстетического как явления ценностного характера. Исходя из теоретических представлений И. Канта о существовании *свободной красоты* (*pulchritudo vaga*) и *красоты привходящей* (*pulchritudo adhaerens*), автор вводит два неразрывно связанных между собой понятия – *эстетического свободного* и *эстетического привходящего*. Первое служит выражением сущности эстетического, второе охватывает каждую из наиболее общих его модификаций, в результате чего прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое предстают не только как явления, обладающие собственными чертами, но и как явления, имеющие единое основание. Иерархия этих модификаций дана в виде условно ранжированной системы, характер которой определяется «мерой» проявления свободного и привходящего эстетического в каждой из них, а также «удельным весом» их положительной или отрицательной значимости. В статье показано, что ценность объекта не может быть его составной частью, ценность есть модус последнего. Понятие модальности связано с возможностью смены проекций, состояний объекта, форм его реализации. Вещь может одновременно служить предметом почитания и передаваться по наследству, она может иметь большое культурно-историческое значение и может, кроме того, обладать исключительной красотой. Смена этих планов, измерений, уровней бытия становится возможной, если меняется позиция субъекта (наблюдателя данного объекта). Модусы вещи в этом случае обретают новое содержание, поскольку включаются в иную систему координат. В дефинициях прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического специально акцентируются объектные и субъектные стороны этих категорий, а также учитывается проявление в них эстетического свободного и эстетического привходящего начал.

Ключевые слова: эстетическое, эстетическое свободное, эстетическое привходящее, прекрасное, возвышенное, трагическое, комическое, низменное, безобразное, ценность, отношение, модус

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гуренко, Е.Г. О сущности эстетического // *Вестник музыкальной науки*. 2022. Т. 10, № 1. С. 107–119. DOI: 10.24412/2308-1031-2022-1-107-119.

ABOUT THE ESSENCE OF THE AESTHETIC

E.G. Gurenko¹

¹ M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire, Novosibirsk, 630099, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the aesthetic as a phenomenon of value character. Proceeding from the theoretical ideas of I. Kant about the existence of free beauty (*pulchritudo vaga*) and incoming beauty (*pulchritudo adhaerens*), the author introduces two inextricably linked concepts – *aesthetic free* and *aesthetic incoming*. The first concept serves as an expression of the essence of the aesthetic, the second covers each of its most general modifications, as a result of which the beautiful and the ugly, the sublime and the base,

the tragic and the comic appear not only as phenomena having their own features, but as phenomena having a single basis. The hierarchy of these modifications is given in the form of a conditionally ranked system, the nature of which is determined by the “measure” of the manifestation of the free and incoming aesthetic in each of them, as well as by the “specific weight” of their positive or negative significance. The article shows that the value of an object cannot be an integral part of this object, value is the modus of the latter. The concept of modality is associated with the possibility of changing projections, states of the object, forms of its implementation. A thing can simultaneously serve as an object of veneration and be inherited, it can have great cultural and historical significance and can, moreover, possess exceptional beauty. The change of these planes, dimensions, levels of being becomes possible if the position of the subject (observer of this object) changes. The modes of things in this case acquire a new content, since they are included in a different coordinate system. In the definitions of the beautiful and the ugly, the sublime and the base, the tragic and the comic, the object and subject sides of these categories are specially emphasized, and the manifestation of aesthetic free and aesthetic incoming principles in them is also taken into account.

Keywords: aesthetic, aesthetic free, aesthetic incoming, beautiful, sublime, tragic, comic, low, ugly, value, attitude, mode

Conflict of interests. The author declares the absence of conflict of interests.

For citation: Gurenko, E.G. (2022), “About the essence of the aesthetic”, *Journal of Musical Science*, vol. 10, no. 1, pp. 107–119. DOI: 10.24412/2308-1031-2022-1-107-119.

Начало активной разработки этой темы в отечественной эстетике было положено острейшей дискуссией 50–60-х гг. XX в. Решить проблему сущности эстетического и его основных модификаций ни «природникам», ни «общественникам» тогда не удалось; позднее выяснилось, что эстетическое – это явление *ценностного* характера.

Ценности могут быть *положительными*; это – истина, добро, свобода, справедливость, красота, и вообще все к чему мы стремимся, на что опираемся в своей жизни, достижение чего приносит удовлетворение. Но ценности могут быть и *отрицательными*; это – зло, заблуждение, несправедливость, безнравственный поступок, профанное, безобразное и др. Н. Лосский относил к отрицательным ценностям все, что «служит препятствием к достижению абсолютной полноты бытия» (1931, с. 102). Такие явления вызывают у обычного человека отрицательную аксиологическую реакцию, сопровождаются чувством

неудовольствия и, как утверждают психологи¹, составляют основу «*мотивации избегания*», поскольку связаны со стремлением отринуть нечто, избавиться от чего-то, освободиться, очиститься... Отрицательные ценности – это наши ограничители, и в этом смысле (именно как *своеобразные ограничители наших действий*) они тоже значимы для человека.

Автор статьи разделяет мнение тех, кто полагает, что *ценность* – это положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы или общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, не их экзистенциальными и качественными характеристиками, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, в сферу интересов и потребностей людей².

Вещи, процессы и реальные события могут обладать ценностью, но эти, связанные с ними, ценности, не имеет ничего общего ни

с их предметной реальностью, взятой самой по себе, ни с взятой самой по себе оценивающей деятельностью в психологии субъекта. Ценность проявляется во взаимосвязи субъекта и объекта, в их взаимодействии, в их отношении. А отношение – это отдельный признак неразрывно принадлежащий двум (или нескольким) взаимодействующим сторонам³.

И коль скоро ценность есть взаимосвязь объекта и субъекта, необходимо выделить ценностный и оценочный уровни их взаимодействия. Первый уровень и есть, строго говоря, ценностное отношение (или «отношение между...», взаимоотношение объекта и субъекта), поскольку ценность – это значимость объекта для субъекта, а второй – отношение оценочное (или «отношение к...», отношение субъекта к объекту), ибо оценка и есть отнесение к ценности оцениваемого объекта, она есть специфическое суждение о его аксиологических качествах и свойствах, субъективное выражение ценности, которое может быть адекватным или неадекватным, соответствующим самой ценности или нет.

Ценность объективна, оценка субъективна.

Однако объективность ценности весьма специфична, ее не следует смешивать с онтологической объективностью природного феномена и гносеологической объективностью истины.

Объективность первого рода – онтологическая – это объективность материального, которое существует независимо от человеческого сознания и – добавим – вне человеческого сознания; последнее указывает на важное отличие онтологической

объективности от объективности гносеологической.

Объективность второго рода – гносеологическая – это объективность истины, а истина есть знание, адекватно воспроизводящее в рамках внутреннего мира человека закономерности окружающей действительности. Истина существует в человеческом сознании. По способу своего существования она субъективна, однако по своему содержанию истина объективна и, стало быть, не зависит от того сознания, в котором она находится (ведь независимо же от нашего сознания на тело, погруженное в жидкости или газы, действует-таки выталкивающая сила, равная весу вытесненной жидкости или газа).

Что же касается объективности третьего рода – аксиологической, – то это объективность ценности, ибо выражает она отношение объекта к субъекту, «то, что объект значит для субъекта, а не то, чем он является в-себе-и-для-себя-бытия». Так характеризует ценность М.С. Каган. Ценность есть субъективированный объект (Каган М., 1988, с. 116). Будучи субъективированным, такой объект обретает особое «сверхприродное качество» быть вещественным по своему субстрату и социально-культурным по функциям.

Ценность вещи не тождественна самой вещи; вещь – лишь носитель ценности, необходимое условие ее объективного существования. Впрочем, столь же необходимым условием объективного существования ценности является и субъект. Ценность укоренена и в объекте, и в субъекте и от них неотчуждаема.

Отношение субъекта и объекта в аксиологической взаимосвязи

весьма специфично. Специфика эта состоит в том, что взаимосвязь субъекта и объекта в этом случае нельзя представлять *исключительно* в виде отношения идеального и материального. В качестве субъектной стороны здесь выступает не просто сознание человека, но *сам человек, обладающий сознанием*, а значит, – явление материально-идеальное, и к тому же социально-культурное по сути своей, а в качестве противоположной, объектной стороны – не просто материальный объект, но объект *субъективированный*, вовлеченный в систему жизнедеятельности субъекта, в систему его потребностей и интересов, выражающий свой смысл и свою значимость только во взаимодействии с последним.

Ценность призвана удовлетворять потребности человека, но *ценное и полезное* – не одно и то же. Полезное – значит целесообразное, нужное для чего-то, то, что способствует достижению заданной цели. Полезное – категория *праксиологическая* (от греч. *πράξις* – практика), а не *аксиологическая*. Она означает позитивное значение одного объекта для другого объекта. Если полезным предмет может быть и для растения⁴, и для животного, и для человека, то ценным – *только* для человека, причем, для человека не как *объекта-организма*, а как *субъекта* социально-культурной, политической, нравственной, религиозной, художественной деятельности или деятельности какого-либо иного рода.

Представьте себе некий изящный предмет, например, красивые металлические очки с гибкими ушными дужками, настоящими стеклянными линзами и хорошо сохранившим-

ся кожаным футляром, которые вы бережно храните в качестве семейной реликвии. Очки некогда принадлежали одному из ваших близких родственников и потому дороги вам, хотя и не подходят по своему прямому назначению: в них вы не можете читать и неотчетливо видите окружающие предметы. По точному суждению А.В. Гулыги, «Утилитарная оценка (суждение типа “Этот предмет мне полезен”) и отнесение к ценности (“Этот предмет мне дорог”) – два различных подхода к действительности, подчас связанных, а порой резко противоположных друг другу» (1987, с. 34). В этом свете становится понятным, почему в суждениях об одном и том же предмете (явлении или действии) его аксиологическая оценка и оценка утилитарная, – как отмечал М.С. Каган, – «могут совпадать по своему “знаку”, положительному или отрицательному» (ведь предмет может быть одновременно и полезным, и красивым, так же как одновременно и некрасивым, и бесполезным), «а могут и расходиться и даже противоречить друг другу», поскольку «вещь может быть полезной и некрасивой или красивой и бесполезной (или даже вредной!)» (1997, с. 81).

Если полезное – это нужное для чего-то, то ценное – это *нужное само по себе*. Именно поэтому ценность объекта нельзя трактовать как его часть, как его структурный элемент. По мнению автора настоящей работы, ценность есть *модус* этого объекта, взятый в аспекте его *значимости* для субъекта.

«Модальность и модус, – подчеркивает А.А. Мёдова, – соотносятся как онтологический принцип

и его реализация» (2016, с. 14). Модальность есть проявление «онтологической возможности явиться в образе, принять вид, обнаружить себя определенным способом» (Мёдова А., 2016, с. 241). Что же касается модуса, то это – форма бытия объекта в определенной проекции, в определенном измерении; это инобытие какой-либо сущности, это то, что существует в другом и через это другое. «Модус есть одновременно и форма бытия сущности, и сама эта сущность, вне своих форм не существующая» (Мёдова А., 2016, с. 241). Если рассматривать модусы личности как формы ее реализации, замечает А.А. Мёдова, «мать и ученый образуют совершенно разные формы существования. Человек, реализующий себя как мать, не имеет ничего общего с человеком в модусе ученого» (Мёдова А., 2016, с. 113). Вместе с тем, поскольку «маркером модальности» является относительность, «модусы выделяются и оформляются как чуждости только относительно какой-либо другой сущности или относительно самих себя. Так, женщина бытийствует в модусе матери относительно ребенка и в модусе ученого относительно профессионального сообщества» (Мёдова А., 2016, с. 155).

Существует достаточно широкий круг вещей, каждую из которых можно рассматривать и как структурный объект, и как объект модальный. Классический принцип соотношения части и целого любого структурного объекта таков: часть есть некая доля целого, а целое есть то, что состоит из частей. Следовательно, очки, например, если рассматривать их в качестве структурного объекта, включают в себя такие

части, как линзы, оправа, ушные дужки, подвижные шарниры и другие детали. Модальный же объект «отличается от структурного тем, что имеет особое качество целостности, а именно, он неразложим на составные части» (Мёдова А., 2014, с. 11). У очков как модального объекта *нет частей*, у них есть только *проекции, измерения, способы реализации, формы бытия*. Модусы очков существуют «актуально и одновременно», однако фиксируются поочередно в виде сменяющих друг друга измерений этой целостности, ее проекций или конкретных форм. Смена каждого модуса происходит в результате изменения позиции субъекта (наблюдателя), что и порождает «перспективу интерпретации этого объекта уже как нового, другого и одновременно того же самого» (Мёдова А., 2016, с. 105).

Обращенные к субъекту какой-либо из своих проекций, очки, например, взятые как (1) семейная реликвия, (2) антикварная ценность конца XIX в. или (3) эстетически выразительный предмет, никогда не наблюдаемы сразу во всех планах или формах своей реализации. Модусы суть способы, которыми предметы и явления в своей реализовавшейся возможности могут стать тем, этим или еще чем-либо. И хотя доступной для воспринимающего в каждом конкретном случае становится лишь одна из перечисленных выше форм, любая проекция модального объекта (в том числе и эстетическая) может служить своеобразным «центром, в отношении с которым определяются все остальные» (Мёдова А., 2016, с. 128). Речь, следовательно, здесь может идти поочередно о фамильной, историко-куль-

турной или эстетической ценности очков для их владельца, и, стало быть, об их соотношенности с ним не как объектом-организмом, который наделен соответствующей остротой зрения, а как субъектом социально-культурной, этической или эстетической деятельности.

А.А. Мёдова, к тому же, убедительно показала: будучи проекцией модального объекта, модус не всегда «актуализирован и наблюдаем», но он все же «укоренен в бытии». Модус не присоединен к тому, что существует, и не просто присущ предмету. Он и есть этот предмет.

Итак, эстетическое – это явление ценностного характера. Однако существуют и ценности иного рода (нравственные, политические, религиозные, художественные...), которые также представляют собой положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для человека (социальной группы или общества в целом). Это означает, что определить эстетическое как ценность очень важно, но все же недостаточно: необходимо выявить специфические черты эстетического, его отличие от ценностей другого рода.

Осмысление специфики эстетического составляет задачу большой сложности. В полной мере эта задача до сих пор не решена и возможные подходы к такому решению будут затронуты здесь лишь в самых общих чертах. Особый интерес в этом плане представляет соотношение эстетического и утилитарно-практического, с одной стороны, эстетического и абстрактно-логического – с другой.

Эстетическое – предмет удовлетворения духовных потребностей человека, а утилитарно-практическое –

естественно-материальных. При этом эстетическое по сути своей свободно от всякого интереса. Оно представляет собой такую проекцию вещей и процессов, которую в ее специфической особенности мы не связываем с чем бы то ни было полезным, истинным или добрым, но которая все же может нравиться или не нравиться, вызывать положительную или отрицательную оценку. Эстетическое в своей сущности покоится на незаинтересованном любовании, оно самоценно и носит бескорыстный характер. Эстетическое, таким образом, связано с опытом неутилитарных отношений, которые сопровождаются или завершаются в конце концов аксиологической реакцией воспринимающего на основе чувства удовольствия или неудовольствия.

В отличие от дискурсивно-опосредованной очевидности логического, возникающего в процессе разного рода выводов и умозаключений, эстетическое проявляется в конкретно-чувственной форме. Именно последняя, прежде всего, и вызывает эстетическое переживание – то самое переживание, которое, в свою очередь, является формообразующей чертой эстетического опыта. Конкретно-чувственная форма при этом часто связана с «наглядностью» (очевидностью), основанной на восприятии реально существующих предметов и явлений, хотя и не всегда. Эстетическое может быть не только предметом чувственного созерцания (зрительного и слухового), но и предметом воображения. Эстетическое переживание вызывают и смутные ассоциации, воспоминания, воображаемые предметы и явления, которые ранее не

воспринимались или же вообще не могут быть восприняты посредством органов чувств (сверхъестественные сказочные персонажи, например). Однако и в этом случае мы имеем дело с представлением воображения в его оптимальной *конкретно-чувственной выраженности* (будь то миф, образ в искусстве, иной продукт человеческой фантазии).

Важная особенность эстетической ценности определяется и тем, что *эстетический опыт не поддается вербализации*, этот опыт невербализуем (или трудно вербализуем). Да и в обыденном изустном общении участники диалога пользуются порой мимикой или жестом, когда стремятся передать друг другу всю полноту своих переживаний, своего отношения к жизни. Невыразим всецело словами и художественный образ, что и превратило искусство в специфическую форму невербализуемого духовного опыта. Разве не это имел в виду П.И. Чайковский, когда отмечал, что музыка является во всеоружии своем, когда слова становятся бессильными? Недаром образ в искусстве характеризуется сегодня не только как единство рационального и эмоционального, но и как единство рационального и иррационального, где иррациональное трактуется как *невыразимое в логических понятиях и суждениях*.

Вот почему ныне суть *эстетического* (речь здесь идет не об эстетическом в целом, а только о его сущности) чаще всего сводят к специфической системе духовно-материальных, неутилитарных, невербализуемых субъект-объектных отношений, сопровождающихся или завершающихся аксиологической реакцией воспринимающего

на основе чувства удовольствия или неудовольствия⁵.

Так, или примерно так, можно было бы представить и любую из наиболее общих *модификаций эстетического*, будь то прекрасное или безобразное, возвышенное или низменное, трагическое или комическое. Но прежде, чем сделать это, напомним: подлинно прекрасным или *свободной красотой* (*pulchritudo vaga*) И. Кант называл то, что доставляет удовольствие и нравится всем своей чистой формой безо всякого интереса. Свободная красота (или красота орнамента, музыкальной фантазии, морских раковин, цветов, райских птиц, драгоценных камней) *автономна*, ее область изолирована от утилитарно-практических потребностей людей, науки и морали. Такая красота сущностно отличается от истинного, приятного, доброго и полезного.

Вместе с тем отдавая себе отчет в том, что избранный подход *резко суживает* представление об эстетической сфере окружающего мира в целом, Кант вынужден был ввести понятие *обусловленной* или *привходящей красоты* (*pulchritudo adhaerens*). Красота здания, лошади или человека, — подчеркивал он, — «предполагает понятие о цели, которое определяет, чем должна быть вещь, стало быть, предполагает понятие ее совершенства, и, следовательно, она есть чисто привходящая красота» (Кант И., 1966, с. 233).

Что это означает? Это означает, что прекрасное, по Канту, может существовать не только *автономно*, но и в *соединении* с истинным, приятным, добрым и полезным.

Это наводит на мысль. В *эстетическом* (как у Канта в прекрасном) можно выделить две неразрывно

связанные и проникающие друг в друга стороны: (1) *эстетическое свободное* и (2) *эстетическое привходящее*. Первое или эстетическое свободное мы, фактически, уже охарактеризовали, когда определили суть *эстетического*. Именно эстетическое свободное составляет «ядро» прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического. Эстетическое свободное и есть то, что их объединяет. Что же касается второго или эстетического привходящего, то оно, как мне представляется, в отличие от эстетического свободного (явления *самоценного*, носящего *бескорыстный* характер), полностью покрывает и пронизывает основные модификации эстетического, каждая из которых не только содержит общее ядро, но имеет свои особенности и характеризуется собственным комплексом вербально-смысловых образований.

Эстетическое привходящее, стало быть, обязательно предполагает понятия *совершенства* или *несовершенства* предмета, и, как сказал бы, очевидно, Кант, включает в себя момент *целесообразности* и *пользы*. А это означает, что свободное эстетическое и эстетическое привходящее соотносятся как категории *общего* и *отдельного*. Таким образом, каждая из возможных модификаций эстетического, будь-то прекрасное или безобразное, возвышенное или низменное, трагическое или комическое, сводится к специфической системе духовно-материальных субъект-объектных отношений, о которых, однако, уже нельзя сказать, что они, к тому же, полностью неутилитарны и невербализуемы. Правильнее будет сказать другое:

эти отношения «*трудно вербализуемы*» и лишь «*отчасти неутилитарны*»⁶.

Как же в этом случае следует определить *прекрасное*, *безобразное* и другие наиболее общие модификации эстетического?

В.В. Бычков характеризует прекрасное как одну из «главных этно-социо-исторически детерминированных категорий классической эстетики», которая выражает «одну из основных и наиболее распространенных форм неутилитарных субъект-объектных отношений, генерирующих в реципиенте эстетическое наслаждение <...> и комплекс вербально-смысловых образований в семантических полях совершенства, оптимального духовно-материального бытия, идеала и идеализации» (2003, с. 362).

Принимая теоретическую позицию В.В. Бычкова как убедительную по существу и терминологически выверенную, автор настоящей работы полагает все же возможным в дефиниции прекрасного как явления ценностного характера несколько более рельефно представить *объектную* и *субъектную* стороны последнего, а также указать на наличие в нем двух неразрывных и взаимопроникающих начал – *эстетического свободного* и *эстетического привходящего*. Прекрасное, таким образом, сводится к специфической системе духовно-материальных, субъект-объектных отношений, где объектная сторона охватывается трудно вербализуемыми комплексами смысловых образований в семантических полях совершенства, идеализации, духовно-материального бытия в оптимальной конкретно-чувственной выраженности, а субъектная сторона

сопровождается духовным наслаждением воспринимающего, его аксиологической реакцией на основе чувства удовольствия.

Если к сфере прекрасного мы относим предметы и явления, доставляющие нам удовольствие независимо от утилитарных соображений, то к сфере безобразного – предметы и явления, созерцание которых вызывает противоположное психическое состояние и, чаще всего, не потому что способны нанести существенный вред, а потому, что производят неприятное впечатление на наши зрение и слух. Опираясь и в этом случае на результаты исследований В.В. Бычкова и принятую им терминологию⁷, отметим, что безобразное представляет собой специфическую систему духовно-материальных, субъект-объектных отношений, где объектная сторона охватывается трудно вербализуемыми комплексами смысловых образований в семантических полях деструкции формы, исчезновения жизни, проявления контрпродуктивной сферы бытия в соответствующей конкретно-чувственной выраженности, а субъектная сторона сопровождается аксиологической реакцией воспринимающего на основе чувства неудовольствия, неприязни, отвращения, омерзения.

Аналогичным образом можно определить категории *возвышенного* и *низменного*.

Возвышенное – одна из наиболее общих категорий классической эстетики, обозначающая специфическую систему духовно-материальных, субъект-объектных отношений, где объектная сторона представляет собой явления, в которых в яркой, выходящей за пределы

обыденного, форме обнаруживается стремление людей к осуществлению общественно значимых, гуманистических представлений и целей, а субъектная сторона сопровождается аксиологической реакцией воспринимающего на основе переживания им внутренней, глубинной сопричастности к этим явлениям, даже в том случае, если в сравнении с ними он ощущает себя бесконечно малой величиной⁸.

Что же касается низменного, то определение этой категории может быть таким: низменное выражается специфической системой духовно-материальных, субъект-объектных отношений, где объектная сторона представляет собой явления, в которых в особо значимой, выходящей за пределы обыденного, форме обнаруживается стремление людей к реализации ложных, чуждых обществу, нередко сугубо эгоистических, антигуманных представлений и целей, а субъектная сторона сопровождается аксиологической реакцией воспринимающего на основе чувства резкого неприятия, антипатии, безгливости и презрения (таковы, например, подлость, предательство, фашизм, шовинизм – разумеется, опять-таки, не «сами по себе», а лишь в их значимости для человека и человечества).

В трактовке *трагического* автор статьи исходит из выводов А.Ф. Лосева, отмечавшего в свое время: «Трагическое – философская и эстетическая категория, характеризующая неразрешимый общественно-исторический конфликт, разворачивающийся в процессе свободного действия человека и сопровождающийся человеческими страданиями и гибелью важ-

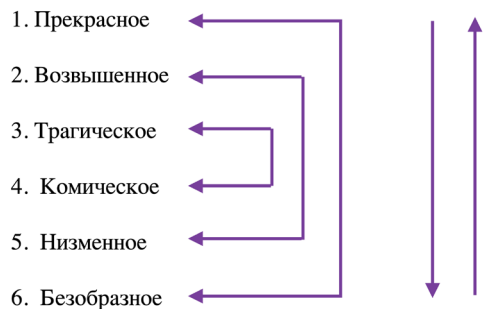
ных жизненных ценностей» (1970, с. 251). В свете же избранного здесь подхода, трагическое, кроме того, можно определить как специфическую систему духовно-материальных субъект-объектных отношений, где объектная сторона представляет собой не поддающийся разрешению социально-значимый конфликт, проявляющийся в свободном деянии человека и завершающийся утратой им жизненно важных ценностей, мучительными страданиями или смертью, а субъектная сторона сопровождается аксиологической реакцией воспринимающего на основе чувства страха и сострадания, безысходности и невозможности утраты, иногда – катарсиса (очищения от страстей) и порой даже – просветленности, умиротворенности и надежды.

И, наконец, определим категорию комического. Будучи явлением ценностного характера, она сводится к специфической системе духовно-материальных субъект-объектных отношений, где объектная сторона представляет собой многообразные проявления культурно значимого, социально окрашенного смешного, вызывающие ответное действие в смехе, а субъектная сторона сопровождается аксиологической реакцией воспринимающего на основе ощущения в них несоответствия содержания и формы, цели и средства, процесса и результата, а также обманутого ожидания, разрыва хода событий, разрешения противоречия в ничто и других подобных явлений⁹.

Если прекрасное (с этим согласны практически все) – эстетическая категория, характеризующая явления, обладающие *высшей эстетической ценностью*, логично предположить,

что основные модификации эстетического образуют ценностную систему, носящую *ранговый характер* и могущую быть выраженной (хотя и условно) на вполне определенной аксиологической шкале.

Представим иерархию наиболее общих модификаций эстетического следующим образом:

Ценностное сознание дифференцирует мир эстетических явлений на противоположности, которые воспринимаются не изолированно друг от друга, а в виде единой оппозиции «*верха*» и «*низа*», и образуют *вертикаль* в зависимости от тех или иных эстетических предпочтений. И коль скоро ценности бывают положительными и отрицательными, *положительными и отрицательными по своему знаку* (в том числе и в самых различных их сочетаниях) *могут быть и эстетически-свободными, и эстетически-привходящими*. Вот почему не трудно предположить, что «мера» как свободного, так и привходящего эстетического, воспринимаемая, к тому же, в аспекте положительной или отрицательной значимости каждой из них, не одинакова в различных эстетических проявлениях. Поэтому, скажем, в прекрасном свободного эстетического как положительной ценности (условно говоря, и в принципе¹⁰) больше, чем в возвышенном (если

только прекрасное и в самом деле можно считать высшей эстетической ценностью), в возвышенном – больше, чем в трагическом, в трагическом – больше чем в комическом. Ниспадая по этим ступеням к низменному и после него к безобразному, свободное эстетическое как положительная ценность постепенно истончается, и столь же постепенно увеличивается противоположная, отрицательная значимость его. В процессе же встречного движения от безобразного «вверх» – к низменному и затем к комическому – начинает убывать удельный вес отрицательной эстетической ценности. В трагическом и далее в возвышенном, а потом и в прекрасном свободное эстетическое, взятое в качестве положительной ценности, шаг за шагом обретает свою бóльшую весомость, свою неизменно возрастающую аксиологическую значимость.

Аналогичные процессы, разумеется, характерны и для эстетического привходящего. То есть и в этой сфере эстетического опыта мы имеем дело с постепенным убыванием удельного веса положительной эстетической цен-

ности и одновременным возрастанием отрицательного значения последней при движении по принятой нами условной аксиологической шкале от прекрасного «вниз» и соответственно столь же постепенным возрастанием удельного веса положительной эстетической ценности и одновременным убыванием ее отрицательного значения при движении по той же шкале от безобразного «вверх».

И в заключение: Кант, очевидно, все же был не прав, когда допускал автономное существование «свободной красоты». Строго говоря, такой красоты нет, как нет и автономного существования свободного эстетического. Однако об *относительно автономном*, а, значит, и *относительно независимом* существовании эстетического как такового и эстетического опыта людей, говорить, пожалуй, можно. Будучи сугубо созерцательным, такой опыт все же самодостаточен; самодостаточен хотя бы отчасти. И разве не за эстетические качества, или лучше сказать – разве не за *художественность*¹¹, прежде всего, мы ценим творчество ведущих русских авангардистов начала XX в.?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хэлворсон Х.Г., Хиггинс Т. Психология мотивации. Как глубинные установки влияют на наши желания и поступки / пер. с англ. М. Мацковской. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

² См., например: Дробницкий О. Ценность // *Философская энциклопедия*: В 5 т. М., 1970. Т. 5. С. 462–463.

³ См.: Левин Г.Д. *Философские категории в современном дискурсе*. М., 2007. С. 78.

⁴ Например, солнечный свет и тепло полезны для роста и развития растений; им нужен свет для образования хлорофилла, с помощью которого они осуществляют фотосинтез.

⁵ Укорененности подобной трактовки сущности эстетического в философских работах последних лет в значительной мере способствовали труды В.В. Бычкова (см., например: Бычков В.В. *Эстетическое // Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века*. Автор проекта, ведущий автор, руководитель авторского коллектива: В.В. Бычков. М., 2003. С. 543–544). Нельзя не отметить также и роль этого автора в исследовании *возвышенного, прекрасного, безобразного* и других модификаций эстетического.

⁶ Такие отношения соотносятся в целом со стремлением к благотворному, положи-

тельному или неблагоприятному, отрицательному влиянию чего-либо, содержат в себе момент целесообразности или нецелесообразности, но исключают, к примеру, явный позыв к таким крайностям, как узкоматериальная личная выгода, нажива, прибыль, барыш.

⁷ См.: Бычков В.В. Эстетика: Учеб. М., 2012. С. 45.

⁸ Подробнее об этом см.: Гуренко Е.Г. Возвышенное и низменное // Эстетика: Учеб. курс: В 2 ч. Ч. 2. 3-е изд. Новосибирск: Новосибир. гос. консерватория им. М.И. Глинки, 2014. С. 84–101.

⁹ Подробнее об этом см.: Гуренко Е.Г. Комическое // Эстетика: Учеб. курс: В 2 ч. Ч. 2. С. 123–143.

¹⁰ То есть с некоторыми допущениями, не касаясь деталей; в действительности же соотношение эстетической значимости конкретно взятых предметов и явлений может быть совершенно иным.

¹¹ См.: Бычков В.В., Маньковская Н.Б. Художественность как метафизическое основание эстетического опыта и критерий определения подлинности искусства // Вестник славянских культур. 2017. № 43. С. 220–241.

ЛИТЕРАТУРА

Бычков В.В. Прекрасное // Лексикон неоклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003. С. 363–370.

Гулыга А.В. Принципы эстетики. М., 1987. 286 с.

Каган М.С. Мир общения. М., 1988. 319 с.

Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. 205 с.

Кант И. Критика способности суждения // Сочинения: В 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 161–531.

Лосев А.Ф. Трагическое // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 251.

Лосский Н. Ценность и бытие. Париж: YMCA-PRESS, 1931. 136 с.

Мёдова А.А. Сознание в модусе времени. М., 2014. 218 с.

Мёдова А.А. Онтология модальности: Дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск: СибГТУ, 2016. 303 с. URL: http://www.omgpu.ru/sites/default/filefield_paths/medovaaa_ontologiya_modalnosti.pdf (Дата обращения: 08.06.2017).

REFERENCES

Bychkov, V.V. (2003), "Beautiful", *Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka* [Lexicon of nonclassics. Artistic and aesthetic culture of the XX century], Moscow, pp. 363–370 (in Russ.)

Gulyga, A.V. (1987), *Printsipy estetiki* [Principles of aesthetics], Moscow, 286 p. (in Russ.)

Kagan, M.S. (1988), *Mir obshcheniya* [The world of communication], Moscow, 319 p. (in Russ.)

Kagan, M.S. (1997), *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of values], Saint Petersburg, 205 p. (in Russ.)

Kant, I. (1966), "Criticism of the ability of judgment", *Sochineniya: V 6 t.* [Essays: In 6 vols.], Vol. 5, Moscow. pp. 161–531 (in Russ.)

Losev, A.F. (1970), "Tragic", *Filosofskaya entsiklopediya: V 5 t.* [Philosophical encyclopedia: In 5 vols.], Vol. 5, Moscow, p. 251. (in Russ.)

Losskii, N. (1931), *Tsennost' i bytie* [Value and being], YMCA-PRESS, Paris, 136 p. (in Russ.)

Medova, A.A. (2014), *Soznanie v moduse vremeni* [Consciousness in the mode of time], Moscow, 218 p. (in Russ.)

Medova, A.A. (2016), *Ontologiya modal'nosti* [Ontology of modality], D. Sc. Thesis, SibGTU, Krasnoyarsk, 303 p., Available at: http://www.omgpu.ru/sites/default/filefield_paths/medovaaa_ontologiya_modalnosti.pdf (Accessed 08 June 2017).

Сведения об авторе

Гуренко Евгений Георгиевич, заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и искусствознания Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки

E-mail: e.g.gurenko@gmail.com

Author information

Evgenij G. Gurenko, Honored Artist of the Russian Federation, member of the Union of Composers of the Russian Federation, D. Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Art Studies at the M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire

E-mail: e.g.gurenko@gmail.com

Поступила в редакцию 10.01.2022

После доработки 29.01.2022

Принята к публикации 02.02.2022

Received 10.01.2022

Revised 29.01.2022

Accepted for publication 02.02.2022